

анна гедымин



Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

анна гедымин

при свете ночи

стихи и баллады

МОСКВА 2019



УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6
Г28

Оформление серии — *Валерий Калныньш*
Фото *Евгения Федоровского*

Гедымин, А. Ю.

Г28 При свете ночи : Стихи и баллады / Анна Юрьевна Гедымин. — М. : Время, 2019. — 128 с. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-1879-9

Творчество известной московской поэтессы Анны Гедымин неизменно вызывает интерес среди читателей разных поколений и стилистических пристрастий. Привлекает ее интонация, теплая и доверительная, — словно стихи обращены лично к каждому, кто берет в руки книгу. Поэзии Анны Гедымин свойственны неожиданные повороты в развитии сюжета стихотворения, мелодичность слова и главное — внутренний свет, присущий даже самым печальным строкам. В настоящий сборник вошли наиболее значимые стихи и баллады прошлых лет и новые, впервые публикуемые произведения.

ISBN: 978-5-9691-1879-9



ББК 84(2=411.2)6

© Анна Гедымин, 2019
© «Время», 2019

ПРИ СВЕТЕ НОЧИ

Одуванчики — никогда

* * *

Я засыпаю,
 когда отцветают звезды,
Светлеет небо,
 а в доме еще темно,
И окна ближние,
 по-утреннему серьезные,
Смотрят прямо
 в мое легкомысленное окно.

Проснешься за полдень,
 вся жизнь никуда не годится...
Но в пыльной Москва-реке
 купола сияют вверх дном...
И думаешь: Господи!
 Спасибо, что надоумил родиться
В городе,
 где такой пейзаж за окном!

Такой синий,
 такой золотой и белый!..
Теперь, судьба моя,
 ты, без промаха и стыда,

Карай, обманывай —
 что хочешь со мною делай,
В душе залатанной
 эта музыка — навсегда.

И даже если
 смерть все-таки существует, —
Все относительно! —
 она щемяще мала,
Как памятник временный,
 пристроченный к Москве на живую,
Как зыбь на воде,
 отражающей купола...

СОРНАЯ ТРАВА

Пожнем плоды, сочтемся славою,
Падет злодея голова...
Но любит жизнь свою неправую
На поле сорная трава.

И в ней запрятана душа,
Которой радостно, и больно,
И страшно — чувствуя, дыша,
Злодейство совершать невольно.

В траве кузнечики звенят,
Край поля ветерком измят...
Сил не хватает у нее
Прервать преступное житье.

* * *

Посмотри — эта ночь не хуже,
чем в наше лето.
Ты тогда записал
на тетрадном обрывке чистом,
Что коль Бог наделил тебя
крохами интеллекта,
То, наверное, черт
к нему инструкцию свистнул.

Книжный червь — и смутьян,
по московским дворам скиталец,
Где неважно, кто встретится первой —
смерть иль девица,
Так настойчиво мною
вымечтанный красавец,
Что тебе ничего не осталось —
только явиться;

Балагур, выпускник способный
бессчетных спален,
Вдруг меня приручать задумавший
терпеливо, —
Я любила тебя.

И спасибо, что ты оставил
Мне возможность любить другого
после разрыва.

Над самым же тобою
ночь отливает сталью,
А из всех Медведиц
в окошке — всегда Большая.
И сжимается сердце,
когда случайно представлю,
Как храпишь один в темноте,
никому не мешая.

Знай, что мне в эту ночь
опять по тебе не спится,
И тоски этой хватит, наверное,
лет на двадцать.
Да светится твоя
неправедная зарница —
Всех других нарядней,
уж можешь не сомневаться!..

* * *

Помнишь, не было хлеба, крова,
А казалось — все ерунда?
Ныне жизнь не менее пустякова,
Чем тогда.

Лето. Лодка. Высокий берег.
Странноприимный сарай.
Правда клюет! Но никто не верит.
Чем не рай?

Помню, как рыбу роняли на пол,
Как мыли речной водой,
Как дождь грибной за окошком капал —
Солнечный, но седой;

И как мы клялись без тени смущенья
Навек забыть свои города...
А дальше вся жизнь была — возвращенье
Оттуда сюда,

Где люди, преодолая ужас и шум,
Как умели, боролись с небытием
И жили, в общем, как мы живем —
Наспех, насмерть, начерно, наобум.

ВОПРОСЫ

Когда его проклял друг и родня,
Она, погрузнев, спросила:
«За что ты, чудака, полюбил меня?
Ведь я совсем не красива...»

А он улыбнулся в ответ и сказал:
«За все: за походку, голос, глаза».

А годы спустя, на исходе сил,
Она рванулась в вопросе:
«За что? За что ты меня разлюбил!
За что, окаянный, бросил!»

А он усмехнулся в ответ и сказал:
«За все: за походку, голос, глаза».

* * *

От смрада, от нервного быта,
От лютой толпы городской —
Туда, где дорога размыта
Не видной на карте рекой,

Туда, где светлы и бесслезны
Окошки над самой травой —
Какие бы темные звезды
Ни плыли над головой,

И стадо — послушно, тягуче —
Ползет на пастушеский зов,
Какие бы сизые тучи
Ни застили горизонт.

Средь ласковых ив у обочин —
Дубок, восходящий на склон.
Он молод, размашист и прочен,
А значит — да здравствует он!

Да здравствует в дебрях кизила
Шмелиная спелая власть! —
Какая бы смерть ни сквозила,
Какая бы ложь ни сбылась.

ЧЕСТОЛЮБИВАЯ МОЛИТВА

Музыка! Ты пришла наконец...
Листва шелестит, маня...
Кончено, теперь я тоже — творец.
Боже, прости меня!

И наплевать, что, злой, как оса,
И от власти хмельной,
Ангел возмездья уж полчаса
Носится надо мной.

Милый, придется чуть обождать,
Постой дудеть на трубе,
Пока не кончится благодать —
Я не дамся тебе.

Ваш Главный слепил меня из интриг,
Швырял из блеска во тьму,
Но вот за этот звучащий миг
Я все прощаю Ему.

И пусть перелесок уже в огне
И пестр от змеиных лент,
Пойми: если что-то зачтется мне,
Так этот самый момент!

Не то что звезда, а метеорит
Сверкнул на исходе дня...
И, может, ваш Главный чуть пожурит,
Но все ж — помилует мя.

* * *

Твой голос морозен —
впору надеть тулуп.
Какого дьявола!
Растопи эти льдины.
Ну почему, почему,
почему так глуп
Самый умный
и самый необходимый!

За что, несчастье мое,
ты это все говоришь!
Тебя — разлюбила!
Придумать такие бредни!
Свобода кончилась на тебе.
Ты — Париж,
Который стоит обедни.

К Парижу этому
вел диковатый шлях —
Дорога жизни моей,
проложенная не гладко.
И теперь я требую,
чтобы на Елисейских Полях
Были теплые летние сумерки!
Без осадков!

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

...Нет, не перебивай! —
Полуночные кухни,
Всегдашний свет в окне,
Всегдашний жар в груди.
Потом умолкнет стих,
Потом держава рухнет —
И жизнь утратит цвет.
Но это впереди.

Я помню — навсегда,
Какие там восходы,
Какая там любовь.
Постой, не говори!
Соседка в бигуди —
Как статуя Свободы...
Гори огонь, гори...

* * *

Говорила Наташка:
Не ездь в эту дыру,
Дома сиди в жару.
Возражала Наташке:
Уеду, не то помру.

И знаешь, Наташка,
Ты была неправа.
Здесь кашка, букашка —
Малиновые рукава.

Подсолнухи смотрят вверх,
Яблоки пикируют вниз —
В шиповник,
Крыжовник,
Сморородину,
Барбарис.

Осень наступит,
Будет дождь затяжной.
Что ты вспомнишь о лете?
Непогоду и зной.

А я — кошку, картошку,
Сыроежку в траве,
На террасе окрошку,
И стишок в голове,

Лопухи на задворках,
Каждый скроен, как щит,
И подругу Наташку,
Что звонит и ворчит.

* * *

Стояла роща — темная, густая,
Но мы вошли — случайно, не со зла,
И на ночь беззвученная стая
Опомнилась, воспряла, ожила,
Стократно оцетинилась — и взмыла,
И сразу миновала навсегда.
И кроны, потревоженные было,
Смыкаются над нами, как вода.

И сохранился только отзвук дикий
В пространстве этом сонном и пустом
Да крохотная капля земляники
Под лапчатым листом.

* * *

С четверти первого до полседьмого
Ночь осыпала звездами поле.
Только окно опустеет, и снова
Росчерк — и вздрагиваешь поневоле.

А из другого окошка, лесного,
Душу томили птичьи оркестры...
С четверти первого до полседьмого
Ты говорил невозможные тексты!

Ты умолкал, — и, как в школе, прилежно
Запоминала я каждое слово,
Зная: все кончится неизбежно
И безвозвратно — в начале седьмого.

Вспомним опять, как дела наши плохи,
И замолчим, и уйдем из-под крова
Дома-музея лучшей эпохи —
С четверти первого до полседьмого.

* * *

Розовоухая кошка,
 угрюмый пастух, лягушки,
Оборки ельника, за которым
 вполне вероятно гать,
Вторая очередь одуванчиков,
 лето на самой макушке...
Господи, как отсюда
 не хочется умирать, убежать!

А если уж непременно —
 то лучше бы тихо-тихо,
Как паучок летучий
 под крышей вьет свою сеть.
Чтоб с водонапорной башни
 аист и аистиха,
Если вдруг и заметили,
 то не вздумали улететь.

* * *

Кто отличает звук орудий
От гроз, рожденных среди скал,
Для тех надолго радость будет
Строга, как боевой металл.

Нет, это не сродни похмелью,
Смех в самом деле жжет, как лед.
И воздух отливает медью.
А в подкрепление веселью
Шиповник за окном цветет —
Прекрасный, точно перед смертью.

ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Август. Пригород. Неприятности сквозняка.
Дачница напряженно ищет того дурака,
Который...
Местность бесперспективна —
ее без запинки минует скорый.

Пейзаж идиличен,
здесь не востребован практический талант.
Инакомыслящий коммерсант
Мечтает вытянуть воду из озера,
как веревкой, ручьем
И если не сыщется разбоя прибыльной —
настоит на своем.

Строительство идет сплошняком.
Молотки стучат — поименно известно по ком.
У сельмага два величественных прораба
Говорят о политике —
думают, как обычно, о бабах.

В воскресенье к церкви бредут неумелые богомолки.
Одна — с подростком сыночком (серьга, наколки).
Но он удирает в малинник
и всю заутреню охотится по кустам,
Полагая, что бог гнездится именно там.

* * *

Год веселый, постой, тебе говорю!
Нет, бежит, торопится к сентябрю,
К первому рубежу.
Вдруг замрет, улыбнется медовым ртом,
Тихо спросит: знаешь, что будет потом?
Знаю, да не скажу.

Ведь и так понятно:
Будет солнце, вода,
И опять холода.
Только вот одуванчики — никогда,
И лягушки горлающие — никогда,
И подснежники — никогда...

* * *

Говорили:
не спасет,
подведет,
вертопрах,
мотылек.
Так и вышло:
промелькнул,
обманул,
не помог,
не сберег.

Только неправда,
что проку в нем
не было никакого,
ведь без него
нерадостно,
нелегко вам,
жизнь замерла,
и мысли стали — как гири.
Ад — это не он,
это другие.

ДВОРЕЦ НА ПЕСКЕ

Пусть волны залижут дворец мой, как свежую рану,
Его я в минуту отлива построю опять.
А если не будет прибой его стены ломать —
Что строить я стану?..

* * *

Подруг все больше, а врагов все меньше —
Ох этот признак зрелости у женщин!
В нем ужас отраженья в зеркалах
И светские беседы — вот уж страх!
И вряд ли в расстоянии причина
Того, что я почти неразличима
В твоих глазах...

* * *

Когда мы
уже не помышляем о лете,
Солнца не просим,
Начинается жизнь в терракотовом цвете —
Поздняя осень.

Краткая милость,
перед мертвой зимой — многоточье,
Славься вовеки!
Стеклянные яблоки
после морозной ночи
Стынут на ветке,

Падают,
словно елочные шары — разлетаются,
Только тронешь.
Лишь вороны всё ахают,
всё придумать пытаются
Свой Воронеж.

А я каждый вечер гляжу,
Как тонет солнечный диск
В поздней кроне.
Только бы не облака!
Только бы не отвлечься,
Не проворонить!..

НА ДВЕНАДЦАТОМ ЭТАЖЕ

Небо озвучено галками.
Август. Домашние туфли.
Со скандинавскими палками
Мама шагает по кухне.
Мысли при этом осенние:
Зябко, дожить бы до Святок...

Кризис. Москва. Воскресение.
Полдень. Девятый десяток.

Мама, покоя не зная,
Ходит как заводная,
Ни от кого не завися,
Скудную жизнь не ругая,
Тихо, как палые листья...

Ты моя дорогая...

ОКТЯБРЬ

Не бывает дней контрастней,
Дней мятежней — и покорней:
Пламенеющие кроны,
Индевеющие корни.

Перед этой — под ногами
И над головою — бездной
Делается весь твой опыт
Лишь нагрузкой бесполезной,

Не спасают разум чуткий
И хваленая отвага.
Здесь одно возможно средство,
Вечное: перо, бумага...

* * *

Милый, знаю: на свете бывают цветы,
Великие праздники, дружелюбные окраины леса.
Но в последнее время все, что не ты,
Для меня не представляет ни малейшего интереса.

Впрочем, мне кажется, это ты перекинул мост,
Когда изгибается радуга на весь пейзаж обозримый.
И еще, мне кажется, о тебе распевает дрозд,
О тебе покрываются ветви спелой рябиной.

Осень. Брожу по колена в золоте, что твой Мидас,
Зачарована, недостижима сплетней.
Все это — ты, мое солнце, мой звездный час.
Дай бог, последний...

ЖУРАВЛИ

Вот холодно, как иностранцы,
Страну не чужую, свою
Бросают птенцы — новобранцы
В седом журавлином строю.

Бывают мгновенья на свете:
Осенние листья горчат,
И взрослые плачут, как дети,
Как взрослые, дети — молчат...

СУМЕРКИ

И смотрит осень желтыми глазами,
И день проходит — солнечный был день.
Висит заката выцветшее знамя
Над крышами ближайших деревень.

Давно умолкли грозы, стаи птички,
Округа опустела, замерла.
Стоит ноябрь во всем земном величье —
Ведь холод величавее тепла.

Ты помнишь? — детство, стриженные ногти,
Огромный бант, умолкший третий класс...
Горнист, волнуясь, врет на каждой ноте...
Так в пионеры принимали нас.

Смеркается. Салют. Ноябрьский праздник.
Вдруг — полная луна, как мандарин...
И ангелоподобный одноклассник
Мне о геройстве что-то говорил.

Мы были так торжественно-серьезны,
Так дружно шли, поддерживая строй,
Что в небесах рассчитывались звезды,
Как фонари — на первый и второй.

А он грустил, что слабое здоровье,
И все ж мечтал в матросы, хоть убей,
Где море на закате — цвета крови,
А может — даже голубей...

КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

Дай бог — еще раз, без обмана,
Спастись от любви, от тоски,
Где впалые щеки вулканов
И сопки седые виски!

Щедра океанская милость,
Что держит корабль на весу...
Нет, сколько бы ни приходилось
Бродить по лугам и в лесу,
Тонуть в затухающем небе
И облако брать на таран, —
А все ж в океане виднее,
Который из нас — океан.

* * *

Не паникуй, мой друг, пройдет и это.
Невероятно, чтобы не прошло.
Ночь миновала, пронеслась комета,
Наш век — и тот отходит тяжело.

А за пределом жертве высшей меры
И праведнику — рядом зимовать...
...Вот если души все-таки бессмертны,
То есть из-за чего паниковать...

* * *

Сегодня пасмурно на душе —
и в окне
Нет спасенья:
Одни лишь темные ели,
по колено в огне
Листьев осенних.

А ночью
ветер поползет по земле —
Ни широты, ни разбега,
Одни лишь темные ели,
по колено в золе
Первого снега...

* * *

Бабье лето, золотая заплата
На не очень-то цветистой судьбе...
Почему же ты, душа, не крылата
И болишь, и не поется тебе?

Почему так непременно, хоть тресни,
Ждешь ты пасмурного дня без прикрас?..
...Долетят до неба голые песни.
Будет снег. И — ничего про запас...

* * *

На языке твоём — мед,
А в глазах твоих — лед.
Вижу, что любовь твоя — гнет,
Значит, не спасет, а сомнет.

Вижу, что потрачу года
И скажу с усмешкой тогда:
Все, что было от тебя, —
Только боль да беда.
Жаль, что не навсегда.

* * *

Опять я прозевала миг,
В который пение на крик
Сменяет птичий рой.
Как поминальные пиры,
Многозначительны костры
Осеннею порой.

Лес проигрался до нуля,
Уже под ним горит земля —
Так, что слезит глаза.
Напрасно клен на страх и риск
Приберегал червонный лист —
Последнего туза...

* * *

Я жену твою не обижу,
Как бывало в прошлом году, —
Даже в снах тебя не увижу!
Даже близко не подойду!

Мне, змеюге, вырвали жало,
Кровь моя обратилась в лед.
Что ж глядишь на меня так жадно
Все мечты свои напролет?..

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Снег — почти до небес,
Свет — почти до земли,
Старый дом, старый лес
От дороги вдали.

Ноет ветер в трубе,
Крепнет лед на реке,
Как печаль о тебе
От тебя вдалеке.

Но, видать, не сильна
По тебе эта боль,
А не то бы она
Ощущалась тобой.

Коченею, как лес,
Где напрасно росли
Белый снег — до небес,
Белый свет — до земли.

* * *

Враждебная, с челкою черной
И взором — острее огня,
Считайте себя отомщенной:
Он больше не любит меня.

Он где-то, он — птица на ветке,
Его не удержишь в руках.
Уж месяц, как смолкли соседки
Про губы мои в синяках.

Я знаю, бестактно...

Но вы же

Прошли до меня этот путь...
Как жить? — научите. Как выжить! —
Когда ничего не вернуть...

* * *

Сел на карниз неумело, наверно, меньшей
Ангел-молчун, вислокрылая белая птица.
Голубь взъярился, не принял за своего.
И за окном, как за душой, вновь никого.
Лишь нехорошее солнце встает.
И нехорошее солнце садится.

* * *

А правда одним-одна,
Как темная в поле хата:
Чем больше твоя вина,
Тем больше моя расплата.

Была бы всю жизнь скупую
И думала, что бедна,
Не зная, чего я стою,
Когда б не твоя вина.

* * *

Предчувствие тепла...
Мы были так живучи,
Что можем представлять
Научный интерес.
И смутно на душе.
Так праведника мучит,
Привыкшего к земле, —
Предчувствие небес.

А может, мы и впрямь
Диковинной породы?
Иначе кто бы смог,
Удачей не храним,
Не зная ни любви,
Ни Бога, ни свободы,
Прожить изрядный век
Предчувствием одним?..

* * *

Метель сатанеет как волк, а не птица,
И улицы бьет, не ласкает...
«Смоленская»... Как моей жизни ни виться —
Отсюда она вытекает.

Бываю порой у беды на примете —
Не пишется, не говорится,
Но Старый Арбат существует на свете,
А стало быть, жизнь моя длится.

Пронзителен воздух, дымки застывают
Над старой арбатской пекарней...
И жаль, что значительней жизни бывают, —
Не жаль, что бывают шикарней...

ПЕСЕНКА

Меркнет день, тает снег,
Поспешает птица,
Видя издали цель
Своего пути.
Вот бы мне так лететь,
Чтобы возвратиться
И ни разу вовек
Глаз не отвести!

Ветер воеет вокруг,
Как пылинку гонит,
И роняет с небес,
И о землю бьет...
Вот бы мне прикорнуть
На твоей ладони
И проспять всю беду —
Навзничь, напролет!..

* * *

Или тепло перешло все границы,
Или мороз проявил мягкотелость,
Только — взгляни: возвращаются птицы.
Родины захотелось.
Вроде бы любят, каются вроде,
Но в холода забывают приличья
И — улетают.

Глаза отводит

Грешная стая птичья.
Их бы прогнать!

Но в лесах наших темных
Любят заблудших и непутевых.

Так возвращаюсь к тебе, мой нестрогий.
Мешкаю на пороге.

* * *

Знаешь, здесь, в Кузьминском парке,
Горевать совсем негоже —
Жизнь исправно шлет подарки
Вот таким, как мы, проходим,
А не чертит закорюки.
Светел день. Весна нетленна.
Голубь, подобравши юбки,
Входит в лужу по колено.

* * *

Когда наступит срок
 последней строчки, точки,
Когда не станет дел,
 сводящихся к рублю,
Всего на миг один
 я попрошу отсрочки,
Чтоб жизни прошептать
 последнее «люблю».

Люблю, как светит в ночь
 рождественская елка,
Люблю пьянящий страх
 на горном вираже...
По правде говоря,
 жилось мне трудоемко,
Но что-то отдохнуть
 не хочется уже.

И все-таки узнать
 безумно интересно,
Как выглядит итог
 во всей своей красе —
Когда уже душа
 опомнилась, воскресла
И звезды понеслись
 по встречной полосе...

Черные зеркала

Я ее увидала —
и ну протирать глаза.
Но она не исчезла,
напротив даже — взбодрилась.
В общем, страшное дело:
черная стрекоза,
Черный крест,
по моим понятиям — Божья немилость.

Я помчалась к людям,
спасибо, путь недалек.
А когда прибежала к знакомым,
ломая ветки,
Мне сказали, что не стрекоза это —
мотылек,
В полосе нашей средней
не особенно редкий.

Полоса моя средняя!
Очень уж непросты
Твои долгие будни,
а праздников мелки дозы.
Может быть, оттого,
что чернеют эти кресты —
Не особенно редкие
мотыльки да стрекозы?..

* * *

— Ты знаешь, что такое свет? —
Спросил меня слепой сосед. —
Он, как далекий теплый звук,
Прокалывает тьму вокруг
Навеки, на мгновенье... Нет,
Не знаешь ты, что значит свет!..

А снег идет, идет, идет,
Проходит день, проходит год...
Слепой сосед, не можешь ты
Увидеть в инее кусты,
И странный улицы виток,
И ржавый на двери замок...
В пустые окна бьет зима...
Не знаешь ты, что значит тьма!..

ВРЕМЯ

1

Время подводить итоги,
Подсчитывать сдачу,
Заглядывать в глаза,
Спрашивать, что для тебя значу,
Не спать ночами.
Ну, или спать ночами.
Любоваться чужими детьми.
Разражаться речами.

В общем, жизнь оказалась
Подарком с подвохом:
На выходе — расплатись по счетам,
Дай на чай скоморохам,
Ничего не бери с собой,
Все равно ведь обчистят, черти.
Вот и все, что узнала о жизни.
Потом расскажу о смерти.

2

Время всегда идеально
Для повитух и могильщиков,
Пекарей и строителей,
Выпускников меда и педа...

...Напуганный еврейский мальчик,
Заброшенный разводом родителей
В район Текстильщиков,
Бреется наголо,
Перенимает повадки скинхеда...

Я буду кем скажешь:
Пекарем и строителем,
Учительницей и медсестрой, —
Я все могу, добрый Боже.
Только прости и помилуй
Самых запутавшихся и беззащитных на свете!
Ополченцы, и менеджеры,
И демонстранты,
И болельщики тоже —
Это всё
Наши дети...

ВЕРА

А солдат не вернулся домой
Ни весной, ни зимой.
Не увидел, пройдя сквозь сени,
Как на добром смоленом полу
Под лампадкой, в углу,
Вон — оставили след колени...

Все ждала, не тушила огня.
Глубже день ото дня
Головой уходила в плечи.
И уже не творила хулу,
Только в красном углу
Лик повесила человечесий...

УЛИЧНОЕ ШЕСТВИЕ

Опять виновных нет и правых,
Лишь привкус боли и беды
Да этих мальчиков кровавых
Неравномерные ряды.

О господи, что станет с ними,
Когда не будет рядом нас!
Кто образумит их, обнимет,
Кто их накормит про запас,

Кто объяснит им на примерах,
Что мир непрост и тем хорош,
Но есть — традиция и вера,
А есть — политика и ложь...

История, ты не любовью, —
К чему красивые слова? —
Ты движима мальчишьей кровью.
Не оттого ли так резва?..

* * *

Я тебя не пугаю,
Просто я от беды устаю
В этом пахнущем гарью,
В этом вечно кровавом краю,
Где приветливы черти
И не больно сладка благодать,
Где не думать о смерти
Так же глупо, как счастья не ждать.
По вороньему граю
Узнаю приближение дня...
Я тебя не пугаю.
Будь отважен.
Не слушай меня.

* * *

Утро
Цвета солнца, дачи, салата,
Располагающее к успеху.
Утро,
Когда молоденького солдата
Вновь провожает невеста —
Неизвестно на чью потеху...

Неужели
Мы рождались, учились в школе,
Жили дальше,
Временами судьбой довольны,
Для того чтоб узнать:
Сколько ни выкашивай поле —
Из него все равно
Прорастают воины?..

ЧУЖОЙ

Он был учителем пения.
Он и теперь поет
Бравурные восточные песни
Московскими вечерами.
Мы раскланиваемся.
Я отдала его детям
Игрушечный вертолет,
Чего не одобрил сосед —
Тоже приезжий, но «свой»,
Из более ранних.

А тот, «чужой», подметает мой двор
И старательно колет лед —
За неясное будущее
И крышу над головой.
И возможно, при случае
Он меня не убьет,
Но тогда —
Не убил бы свой.

* * *

Будто видела — помню об этом дне:
Говорили: «Красные входят в город».
Это предок мой на гнедом коне
Мчал за криком своим, разорвавшим ворот.

Победитель! Его не задержит лес,
Не сломают ветра, не утопят реки...
Но другой мой предок наперерез
Выходил — остаться в бою навеки.

Два врага погибли — и две строки
Родословная вносит в свои скрижали.
До сих пор сжимаю я кулаки,
Вспомнив предков, — чтоб руки не так дрожали.

Я поповская правнучка — и княжна,
На конюшне прапрадед мой был запорот...
Так — о боже! — что чувствовать я должна,
Если снится мне: красные входят в город?..

КАБИНЕТ

Здесь всё по-прежнему:
И шторы булавкой сколоты,
И бумаги навалены
На столе и на табуретах.
Лишь любимые люди,
Так плотно населявшие стены комнаты,
Постепенно тускнеют
И по одному — уходят с портретов.

* * *

Над русским полем сумрачно и голо,
Тоскует птица.
И небо сыто душами по горло,
А бой все длится.

Опять беда ни в чем не знает меры
И рвет на части.
Но в мире нет безропотнее веры,
Чем вера в счастье.

* * *

Лес предзимней зиял пустотой...
Помню слякоть и чувство тревоги,
И отчетливый куст золотой,
Голосующий у дороги.

Вроде выболела до дна
Эта осень.

И нате вам — милость!

Но из тысячи душ ни одна
В странном месте не притормозилась.

Вот он — миг, предвещающий крах!
Ох, припомнит судьба нам, истица,
Как молили о мелких дарах,
Чтобы мимо щедрот проноситься!..

* * *

Когда б не злая, хлесткая пурга,
Зима мне не была бы дорога.

Но этот снег — он более удал,
Чем люди, веры, истины и стили,
Лишь он один остался от России,
Которую Набоков покидал.

И даже угодившие в ковчег
Иным предполагали ход явлений,
Ведь от России, что придумал Ленин,
И то остался только этот снег.

Я верю в снег! Он прикрывает срам!
Он грязь и слякоть обращает в пену!
...Мне нечем оправдать свою измену
Померкшим без молитвы небесам...

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

Мелкий, щуплый, мучимый половым вопросом,
Никогда не любимый теми, о ком мечталось,
Он стоит на плацу под дождем, забирающим косо,
И уныло прикидывает, сколько ему осталось.

Как ни крути, до дембеля — без недели полгода.
Целых полгода добродетели защитного цвета,
За которые если что и улучшится, так только погода,
Или вдруг старшина подорвется... Но не будем про это.

Поговорим о противнике. На него надо много дуста,
А дуст теперь в дефиците, чтоб ему было пусто.
На старшину же требуется лишь немного тротила,
А при достаточной меткости — одной бы пули хватило...

В общем, защитник Отечества пребывает в подсчетах.
(«Я вернусь, мама!») И подсчетов — до черта.

Что будет дальше? —
К арифметике ограниченно годный,
Он все равно выживет, средь тревог и побудок,
При врожденном умении держать удар на голодный
Или — реже — впрок набитый желудок.

СОРОКОВИНЫ

Горечь моя, кареглазка моя,
Черные зеркала...
Мама была неласковая,
Но уж какая была.

Не делилась надеждою,
Не дарила тепла.
Лишь в смерти сделалась нежною —
За собой позвала.

...Свет над гулкой бесснежностью,
Лепесток, соловей...
Запоздалою нежностью
Упиваюсь твоей.

Окликаю по имени,
Оскользясь на льду...
Только все же прости меня —
Дальше я не пойду.

* * *

Мы умрем с тобой в третьем тысячелетье,
Даже если вечером — все равно на рассвете,
Потому что на вдохе, на старте века.
Это важно для суеверного человека.

Здесь нам все знакомо только в наброске.
Здесь уже не бывали Бунин и Бродский.
Ну а мы, не задумываясь, сиганули
Под мгновенья, сгустившиеся, как пули.

И живем теперь, хорошо ли, плохо.
Человека редко красит эпоха.
Чаще он один, как циркач на шаре,
Лишь собою спасаем и украшаем.

Медленная вода

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вдоль тропы гуляют сквозняки,
И головки клонят васильки
Строго в направлении реки.

А заслышав медленный гудок,
Бурый пес натянет поводок
И поймает носом холодок.

Ну а в доме шелкают дрова,
Мысли превращаются в слова,
Понимаешь, что была права:

Здесь не бродит ветер перемен,
Пляшет пламя, что твоя Кармен.
Ничего я не хочу взамен...

* * *

Поехали, говорит,
бросай свою глушь-Саратов.
И уже послезавтра,
в крайнем случае — в среду,
Куплю тебе перстень
в сколько хочешь каратов,
И будем жить с тобой.
Она в ответ: не поеду.

Здесь у нас соловей,
хоть никакого в нем проку,
Поет и плачет,
и нет спасенья.
А зимой у нас
в ресторанчике «Крокус»
Скрипач играет по воскресеньям.

Тогда говорит:
а хочешь «Форд-Фокус» —
Лучший на Среднерусской равнине?
Только сядешь —
и через миг, без вопросов,
Глянут — ан нет тебя
и в помине.

Она в ответ:
 да не нужен «Форд-Фокус»,
Лучший от Балтики до Урала,
И даже не надо,
 чтоб в ресторанчике «Крокус»
Музыка по воскресеньям играла.
Лишь бы сынок
 одолеет переходный возраст!
Лишь бы мама не умирала...

Ну, говорит, кума,
Уж с этим ты разбирайся сама.

И пошел он жить,
 как прежде, на свете:
Никого не полюбил
 и не встретил
Ту, что мнилась, снилась,
 в мысли рвалась —
Такая юная,
 что еще не родилась...

ЛЕТО

Думаешь: надоели
одинаковые окошки,
Небо невзрачное городское
И дождь, что сверлит
то крыши, а то дорожки
И не хочет покоя.

А в квартале возле старой котельной
Жить, может быть, интересней,
Но нет давно ни тропы отдельной,
Ни птицы, сочиняющей песни.

Видимо, остается лишь память,
Где тепло и уютно,
Где уже не сумели нас дó смерти ранить
И где скучать не дают нам

Соседок пересуды-разговоры,
Мол, с кем я да во что я одета,
И ситцевые флоксы, без которых
И лето — не лето.

* * *

Ты для меня
Больше, чем беда,
Больше, чем вода
В пересохшей округе.
Ты для меня —
И шальная толпа,
И лесная тропа,
И друзья, и подруги.

Давай
Сядем, как в детстве, в трамвай,
Чтобы лужи и брюки клёш!
Давай
Ты никогда не умрешь!
Лучше уж я...

И стану для тебя
Солнцем над головой
И лохматой травой
У ограды.
Чтоб все подруги твои
И все супруги твои
(И даже мама твоя!)
Мне были рады.

* * *

А домик, что мы снимали,
ты знаешь — давно сгорел,
Что дачной округе
добавило, действительно, лоску.
И загнанно смотрит бомжиха,
боясь спросить папироску, —
Ну чистое чудо в перьях,
на которое разрешили отстрел!

Лишь солнце,
ныряющее в поле, как в озеро,
все так же красным-
Красно.
А картофельных грядок нет и в помине.
Новодел победил бы
в этой тихой благородной низине,
Когда бы не церковь,
построенная крепостным...

* * *

Объяснять мне не надо, что гонит грачиную стаю
За полмира — к Москве, от весны захмелевшей, как все.
Оказавшись почти что в раю, я до слез вспоминаю
Изумрудные мелкие листики вдоль шоссе,

И смеющихся окон вечерних янтарную залежь,
И реклам неуместных горящие угли в золе...
В этом городе я и помру, если не возражаешь,
В день, когда не останется дел у меня на земле.

И увижу во сне, как вдали от привычного крова,
Недоступный промышленным звукам и взглядам зевак,
Занимается клен — чуть зловеще, нарядно, багрово, —
Неудавшейся жизни моей восклицательный знак.

* * *

Я тебя подожду,
Где вишни цветут в саду,
Где жизнь голосит в листве —
Без царя в голове —
Вот уж недели две.

Что загадывать наперед,
Когда нас Бог приберет?
В предвкушении тишины
Сроки становятся не важны.

Различить бы, век подаренный отгуляв,
Отбормотав, как псалтырь,
Где кончается явь
И начинается быль.

* * *

Нет, не подвиг, а просто такая жизнь,
Что осилит только герой.
А собьешься чуть — хоть костями ложись,
Не вернуться в избранный строй.

Лишь душа заскулит — обреченный зверь,
И в ответ иссякнет звезда.
Что поделат, такая вот жизнь теперь.
Что поделат, такая вот смерть теперь.
Впрочем, так же было всегда.

* * *

Майский полдень.
Лакированная вода.
Листья первые
Милей алмазов и злата.
Лишь крапива
Уже немолода
И для щей весенних,
Пожалуй что, грубовата.

Позови меня в город свой дальний!
Не зови. Позови.
Пес соседский
Мне при встрече целует руки —
Громогласный свидетель
Нашей любви,
И беды, и разлуки.

Скоро выступит
Одуванчиков королевская рать,
Заклубится черемухами округа...
Было тесно нам вместе жить.
Посмотрим, как умирать
Друг без друга.

* * *

Август. Полдень. Елок вереницы.
Три недоразрушенных избы.
Я сюда на запах медуницы
Прихожу, как в детстве — по грибы.

И брожу своими же следами.
И робею у церковных стен:
Что просить нам — траченным годами
Очевидцам бурных перемен?

(Вон и туча щерится морозно,
Будто бы уже закончен суд!)
Славы — стыдно, пониманья — поздно,
А любви не просят, только ждут.

Боже, стать бы тем седьмым коленом,
На котором завершится месть!..
Медуница нежно пахнет тленом —
Неужели горше запах есть?..

* * *

Казалось, здесь каждый кустик знаком,
Но стало смутно и странно,
Когда овраг, словно молоком,
Наполнился вдруг туманом.

И охнул закат, и прервался путь,
И взгляд оценил глубины:
Березы стоят в молоке по грудь,
По шею стоят рябины.

И пес, будто зная, что жизнь одна,
От дома, от спелых грядок
Летит, чтобы вылакать все, до дна, —
И счастье, и непорядок.

* * *

Ветра нет, но зябко у воды,
И деревья смутны, как во сне...
Может, нынче свет моей звезды
Наконец дотянется ко мне?

Даже не очнутся берега,
Только сердце грохнет в тишине,
И у загадочного врага
Пробегут мурашки по спине...

* * *

Умела прощаться, как умирать, — навеки,
Сжигать мосты, сжигать корабли.
А еще умела заговаривать реки —
Чтоб помедленнее текли,

Чтоб не так мелькали под небесами
Первый вдох — и последний звук,
Чтобы лодки, прядая парусами,
Успевали землю принять из рук.

Дождь идет. Минувшее все дороже.
Разрешите мне, Господи, отдохнуть,
Потому что так — сгоряча — негоже
Начинать свой главный, ответный путь.

* * *

И все-таки я помню о тебе.
Так путник, заплутавшийся в судьбе,
Забуть не в силах полдень конопатый,
Перед околицей последний дом,
И речи, различные с трудом,
И легкость не пугающей утраты...

Как больно помнить то, что никогда
Не повторишь...
Казалось — ерунда.
Но неприятно, железнодорожно
Два пламени, два карих, вслед глядят.
Слова-то ладно, а вот этот взгляд
Забуть не можно...

СЛАВА

Уж лучше пусть приходит — незаслуженная,
Похожая на школьное вранье,
Ворованная, жалкая, простуженная...
Уж лучше так, чем вовсе без нее.

Не для того, чтоб сразу же зазнаться,
Расправить два поношенных крыла, —
А чтоб смутиться, вспыхнуть, отказаться,
Но все-таки запомнить, что была.

* * *

Теперь в согласии с судьбой
Дни коротаю
И даже, ладно, быть с тобой
Уж не мечтаю,
А лишь бы просто был в живых
И жил как хочешь —
При свете кленов огневых,
При свете ночи.

* * *

В старом городе
Живут старые горожане
И про новых думают:
Зачем мы их нарожали?
Впрочем,
Что посеяли — то пожали,
Мы ведь тоже были когда-то
Новые горожане.

Что до нас с тобой,
То мы никогда
Не увидимся больше —
Ни в старом городе, ни в новом, ни в этом,
Ни зимою, ни летом,
Что, наверное, не беда.

Только вдруг задохнусь
Поутру от птичьего гама,
А под вечер — от возгласа «мама»
В устах старика
С глазами цвета горного льда.

* * *

Душноватые, буйные, дальние дни
Ты прости мне, о Господи, и сохрани!

Пусть развеется начисто болтовня,
Что в недуге и горе он предал меня!

Ты прости ему низость и трусость — прости,
Он — за давностью боли — безгрешен почти...

ВОПРОС

Уже не замутненное слезами,
Сквозь боль и забытьё,
Зачем опять встаешь перед глазами,
Ушедшее мое?

На фоне туч серебряных и крика
Из ближних школ —
Что ты глядишь так холодно, так дико,
Так хорошо?..

* * *

Вроде рукой подать,
А не дойти никогда:
Тихая благодать,
Медленная вода.

Впереди холода,
Первых снежинок сверк...
Только бы не беда,
Только бы свет не мерк!

И цвели, как вчера,
Мальвы, меняя суть, —
Если уже пора,
Если уже — забудь.

Не умножить года,
Вечность не обуздать...
Медленная вода,
Тихая благодать...

НОЯБРЬ

Как шапка на ворé
Горела крона дуба,
Горело все вокруг,
Спаслась одна лишь ель.
Вдруг ветерок подул
Не ласково, а грубо
И отшвырнул огонь
За тридевять земель.

Умолкли деревья
На порыжелой круче,
И воды унесли
Червонную их масть.
И вот уж из глубин
Знобящей мраком тучи
Высматривает снег,
Куда ему упасть...

* * *

Ветер разнообразен:
В паре с огнем
Похож на цветок в вазе,
Вместе с вольной водой
Образует прибой
(Ты когда-то шутил —
Как мы с тобой).

Не промчит стороной,
Как экспресс в Новый год,
Он навеки со мной,
В отличие от.

Даже в зимнем бору,
Где и жизни-то нет.
Если умру,
Не он ли загасит свет?..

* * *

Откуда эта холодность? Откуда
Бесстрастность рук и отрешенность глаз?
Мы соли вместе съели меньше пуда,
Но слез добавь — и будет в самый раз.

И все напрасно.
Неохотно, куце,
Но все ж всплывает месяц надо мной, —
Хоть я смогла уйти, не оглянуться
И в столб не превратиться соляной...

* * *

Уже не верю сплетням про друзей
И на врага уж не ищущу управы —
Всё более близки они и правы,
Мой личный населившие музей.

Для жизни в равной степени важны
Поддержка их — и страстная опала.
Когда бы не они, кого бы стала
Я различать на фоне тишины?

Тебя лишь одного, мой свет, мой мрак, —
То самый верный друг, то главный враг.

* * *

Бремя давней любви —
 это счастье особого рода.
Ты продлил бы мне, Господи,
 кроткое это житье!
Ну а если нельзя без героизма —
 пусть, ладно, свобода.
Только пусть поскорей,
 я хочу пережить и ее.

Я согласна хлебнуть вышины,
 как не всякая птица,
Сквозь мелеющий воздух
 мучительной красоты.
Лишь бы к ночи хотя бы
 в душистой избе схорониться,
Где в хорошее лето
 окна достигают цветы.

А потом вспоминать, улыбаясь,
 звоночки трамвая,
Ярко-желтые пятна на синем
 (листва и вода)
И подумать, что осень
 так сладко меня забывает,
Как никто из людей
 никого, ни за что, никогда...

* * *

То не жизнь завершается — просто год.
В эту пору не жди от земли щедрот,
Будут яркими только сны.
В ноябре надо сжаться в клубок, в комок,
Чтоб сберечь не огонь, так хотя б дымок —
С ним верней дождешься весны.

А вокруг зачерствеют ночные льды,
Станет в мире много сухой воды,
Все живое сойдет к нулю...
С приближеньем к бездонному декабрю
Не верь тому, что я говорю,
Если только не говорю,
Что люблю...

* * *

Месяц-франт,
Месяц-враль,
То позер — то болтун...
О московский февраль —
Гололед,
Колотун.

Вроде нос в табаке,
Вроде кум королю,
Но я-то знаю тебя,
Оттого не люблю

Самоварный твой блеск,
Сарафанную знать...
Жаль, с тобой лишь вдвоем
Мне теперь вспоминать

Этот пир золотой,
Этот свет неземной,
Эту странную жизнь,
Что была не со мной.

Косари собрали тех,
кому одиноко.
А одиноко было если не всем,
то многим.

Женщины хлопотали,
старший стоял у двери,
Встречал гостей
и шутил с ними о погоде.
Второй крепился, чтоб не напиться.
В какой-то мере
Это и удалось ему
вроде.

А младший сел, как нарочно,
под образами,
И красный угол казался
еще краснее.
И красавица первая
спросила, блеснув глазами:
«На что тебе хромоножка?
Зачем ты с нею?»

Пойдем со мною,
ты лучшей доли достоин,
Лицо мое — видишь — красиво,
и дом мой светел.

Я буду любить как никто!»
Но он остался спокоен.
Улыбнулся только
и не ответил.

И лишь под утро,
когда почти опустела сторожка,
Сказал негромко:
«Не мила никакая другая.
Я жив, покуда
со мной моя хромоножка.
Ни дождь, ни молния
тропы моей не достигает.

Враги мои чахнут,
причины не понимая,
И время летит — но не старит,
в злобе напрасной...
Знаете —
я даже рад, что она хромая,
Мне и так с нею боязно,
с безнадежно прекрасной».

А когда уехали косари —
пришла гроза невиданной силы,
Даже старухи
такой не помнили страшной.

И тот, кого после полудня
в дороге она захватила,
Домой возвращался под утро,
как будто из рукопашной.

Буря умчалась внезапно —
как накатилась.
Сильно шмели заныли
в траве усталой.
И ни с кем — ни с людьми, ни с живностью —
ничего не случилось,
Только у дома красавицы вырос цветок —
диковинный, алый.

Дня четыре смотреть ходили
на это диво.
Рассуждали: за что ей такое?
Случайно, что ли?
И сказал дурачок деревенский:
«За то, что красива.
Правда, она всего лишь красива,
не боле.

А каждый живущий
достоин своей награды:
Любовь награждается верностью,
словом — слово,

МАСТЕР МОСТОВ

«Пожалуй, не люблю, — сказал, —
но не грусти:

Других я не люблю
значительно сильнее.

Возьми, что нажил я,
коль сможешь унести:

Закаты над рекой,
неполных лун камеи,

Заначенный экспромт —
тот, что на черный день,

Уверенность в себе
(в ней всё — одна бравада),

Бессонниц благодать,
а ежели не лень —

Возьми и жизнь саму,
мне ничего не надо».

И вспомнила рассказ
про мастера мостов:

Без отдыха и сна,
иной не зная страсти,

Он строил дивный мост.

Когда был мост готов,

Созвал всех горожан
счастливый дряхлый мастер.

Он им сказал: «Не зря
 был я судьбой храним!
Я завершил свой труд!
 Труд жизни! Неужели!..»
И он прошел свой мост.
 И рухнул мост за ним...
...И я, как мастер тот,
 своей достигла цели...

МЕСТЬ ТАМЕРЛАНА

Где нам древних понять!
Ведь, в конце концов,
Нам давно на святыни плевать.
Но послушай все же...

...Стаи гонцов
Созывали тучную рать,
Чтобы выкрикнул баловень всех грехов:
«Если мой потревожат прах,
Не позднее, чем до утренних петухов,
Разольется над миром страх!
Будет горе на множество лет и стран!
Небо вычернят облака!..»
Так сказал Тамерлан.
И усоп Тамерлан.
И без снов пролежал века.

Осторожное время, мудрей совы,
Тихо здесь совершало путь...
Но пришли археологи из Москвы
В неприступный склеп заглянуть.
Самый младший русым был, молодым,
Старший с виду вроде бурят.
Пили чай зеленый,
Пускали дым
И не ведали, что творят.

Но сходились узбеки со всех сторон.
Но закат был в тот вечер вял.
Но вселенский ужас,
Вселенский стон
В черно-бурых глазах стоял.

Все окончилось за полночь.
Как пятак,
Прикатилась луна в зенит.
И сказал самый младший:
«Что-то не так —
Люди стонут, в ушах звенит...»
А приятель, зевая:
«Да ну их, плюнь!
В самом деле — чудной народ...»

Было двадцать второе.
Месяц — июнь.
На земле — сорок первый год...

СОДЕРЖАНИЕ

ОДУВАНЧИКИ — НИКОГДА

«Я засыпаю...»	7
Сорная трава.....	9
«Посмотри — эта ночь не хуже...».....	10
«Помнишь, не было хлеба, крова...»	12
Вопросы	13
«От смрада, от нервного быта...»	14
Честолюбивая молитва	15
«Твой голос морозен...»	16
Воспоминание о восьмидесятих.....	17
«Говорила Наташка...».....	18
«И пасмурный ветер...»	20
«Стояла роща — темная, густая...».....	22
«С четверти первого до полседьмого...»	23
«Розовоухая кошка...».....	24
«Кто отличает звук орудий...».....	25
Ангел.....	26
Зарисовка с натуры	28
«Год веселый, постой, тебе говорю!...»	29
«Вспомню: клен позолоченный...».....	30
«Говорили...».....	31
Дворец на песке	32
«Подруг все больше, а врагов все меньше...».....	33
«Когда мы...»	34
На двенадцатом этаже.....	35
Октябрь.....	36
«Милый, знаю: на свете бывают цветы...».....	37

Журавли	38
Сумерки	39
«Грохот. Крики...»	40
«Ты помнишь? — детство, стриженные ногти...»	41
«Осенний лес отлит...»	42
Курильские острова.....	43
«Не паникуй, мой друг, пройдет и это...»	44
«Сегодня пасмурно на душе...»	45
«Бабье лето, золотая заплата...»	46
«На языке твоём — мед...»	47
«Опять я прозевала миг...»	48
«Я жену твою не обижу...»	49
Зимние сумерки	50
«Враждебная, с челкою черной...»	51
«Сел на карниз неумело, наверно, меньшей...»	52
«А правда одним-одна...»	53
«Новый год...»	54
«Предчувствие тепла...»	56
«Метель сатанеет как волк, а не птица...»	57
«С утра на лестнице...»	58
«Ты думал: пусть одиночество...»	60
Песенка	61
«Или тепло перешло все границы...»	62
«Знаешь, здесь, в Кузьминском парке...»	63
«Когда наступит срок...»	64

Черные зеркала

«Я ее увидела...»	65
«Опять тебя, папа...»	66
«— Ты знаешь, что такое свет?...»	67

Время	68
«Время подводить итоги...».....	68
«Время всегда идеально...».....	68
Вера.....	70
Уличное шествие	71
«Я тебя не пугаю...»	72
«Утро...».....	73
Чужой.....	74
«Будто видела — помню об этом дне...»	75
Кабинет.....	76
«Над русским полем сумрачно и голо...»	77
«Лес предзимней зиял пустотой...»	78
«Когда б не злая, хлесткая пурга...»	79
Защитник Отечества	80
Сороковины	81
«Мы умрем с тобой в третьем тысячелетье...»	82

Медленная вода

Возвращение.....	83
«Поехали, говорит...».....	84
Лето	86
«Остался от дуба такой пустяк!..»	87
«Ты для меня...»	88
«А домик, что мы снимали...».....	89
«Объяснять мне не надо, что гонит грачиную стаю...»	90
«Я тебя подожду...»	91
«Нет, не подвиг, а просто такая жизнь...»	92
«И воскликнешь...»	93
«Майский полдень...»	94
«Август. Полдень. Елок вереницы...»	95

«Казалось, здесь каждый кустик знаком...»	96
«Ветра нет, но зябко у воды...»	97
«Умела прощаться, как умирать, — навеки...»	98
«И все-таки я помню о тебе...»	99
Слава	100
«Теперь в согласии с судьбой...»	100
«В старом городе...»	101
«Душноватые, буйные, дальние дни...»	102
Вопрос	103
«Вроде рукой подать...»	104
«Брожу по дорожкам парка...»	105
Ноябрь	106
«Ветер разнообразен...»	107
«Откуда эта холодность? Откуда...»	108
«Уже не верю сплетням про друзей...»	109
«Бремя давней любви...»	110
«То не жизнь завершается — просто год...»	111
«Месяц-франт...»	112

МАСТЕР МОСТОВ. Баллады

Косари	113
Мастер мостов	119
Мечь Тамерлана	121

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Анна Юрьевна Гедымин

ПРИ СВЕТЕ НОЧИ

Стихи и баллады

Редактор
Лариса Спиридонова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Верстка
Светлана Спиридонова

Корректор
Елена Плёнкина

Подписано в печать 26.03.2019
Формат 70x108/32. Усл. печ. л. 5,6
Тираж 500 экз. Заказ № ...

«Время»
117105, Москва, Варшавское шоссе, 3
Телефон (495) 954 10 82
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП “Уральский рабочий”»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru